

Саша
Николаенко

Саша
Николаенко

УБИТЬ
Бобрыкина,
или История
одного
убийства

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н63

Дизайн переплета – *Владислав Воронин*

В оформлении использованы иллюстрации
Саши Николаенко

Роман печатается с сохранением авторской орфографии

Николаенко, Саша.

Н63 Убить Бобрыкина, или История одного убийства : [роман] / Саша Николаенко. – Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2023. – 283, [5] с. – (Классное чтение).

ISBN 978-5-17-152635-1

«Убить Бобрыкина» (премия «Русский Букер») – роман-нежность и роман-трагедия, психологический детектив и любовная история. Герой Саша Шишин – не от мира сего; он от мира детства. И его любовь, девочка Таня, и ненависть – соперник Бобрыкин – тоже родом из детства. Победе над Бобрыкиным мешает мать Шишина, для которой взрослый сын остается вечным дурачком. Выход один: убить Бобрыкина... Так было ли в этом «сложнейшем» (по словам Галины Волчек) романе убийство? И кто кого убил?

«Убийство было. Убийство целого мира – Изумрудного города больших надежд. История убийства одной любви» (Саша Николаенко).

«Быть может, это лучшая русская книга начала XXI века. Ни одного лишнего слова, ни одной фальшивой ноты» (Сергей Беляков).

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Николаенко А.В., текст,
иллюстрации

© ООО «Издательство АСТ»

ISBN 978-5-17-152635-1

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

— Слушай, Элька, — пробормотал Сундуков, поддаваясь очарованию заповедной улочки. — Неужели мы когда-то были детьми?

— Меня другое волнует, — ответил, подумав, Флягин. — Неужели я когда-то стал взрослым?

*Николай Якушев.
Люди на корточках*

Глава 1 ВЕРЕВКА

«Удавлюсь!» — подумал Шишин и за веревкой в хозяйственный пошел.

— Куда собрался? — спросила мать.

— За веревкой, — ответил Шишин.

— А-а... — сказала мать. — И мыла заодно купи. У нас все мыло кончилось, — добавила она.

— Земляничного? — поинтересовался Шишин.

— Земляничного, какого? — кивнула мать.

— А если земляничного не будет, дегтярного купить? — И Шишин посмотрел на мать довольный, радуясь, что вспомнил слово, которое все время забывал. «Дегтя-а-арное...» — подумал он.

— Дегтярным веревку себе намыл и удавись, — сказала мать.

«Ладно, земляничного куплю. Им от Танюши пахнет...» — и снял с крючка собачью шапку.

— Только денег дай мне, у меня нет их.

— У тебя их нет, а я печатаю! До смерти жилы будешь из меня тянуть, — бубнила мать, но денег Шишину дала.

«Жадная...» — подумал он и за веревкой в хозяйственный пошел. «Мыло заодно куплю, а на всю сдачу куплю веревку и повешусь», — думал, вдоль забора неохотно плелся к переходу.

Магазин «Хозяйственный» через дорогу был, как все хозяйственные магазины. «Все хозяйственные магазины через дорогу. Почему?» — подумал вдруг, переходя дорогу. И испугался посередине, что светофор переключится, все поедут и его раздавит насмерть. От страха опустил глаза и шел сутулясь, боязливо косясь на сонные дорожные столбы. Он светофоров не любил и турникетов тоже. В метро особенно опасно, возле турникетов — того гляди возьмут и треснут. «Схлопнут — и пиши пропало», — и турникеты проходил зажмурясь, удара ожидая, оглянувшись, думал с облегчением: «Что, собака, съел?!» И если рядом не было людей, то дулю турникету показывал или язык. Но люди обыкновенно были.

«Повсюду люди, — с раздражением думал он. — Битьём людьми набито, как в аптеке», — и редко удавалось турникету показать язык и дулю. Шишин не любил, когда повсюду люди, и людям тоже Шишину хотелось показать язык и дулю, но мать не разрешала баловаться и была Шишина ребром ладони по дуле или языку.

Убить Бобрыкина, или История одного убийства

«Злая мать моя», — подумал, живым пройдя дорогу, и светофору показал язык. Пока не видит мать. И люди. «Не люблю людей».

День был тихий, белый. Снежным облаком лежало на крышах небо.

«Как в больнице», — и снег мочил ему лицо, и ветер безжалостно трепал за капюшон. А под ногами шлямкало и жижей воротило за шнурки.

«Жалко все же, что меня машиной не задавило насмерть, — размышлял, шагая дальше. — Не надо было бы теперь в хозяйственный спускаться, веревку покупать. Там лестница у них такая скользкая, что можно шею запросто себе свернуть, ни разу чем-нибудь специальным не посыплют — сидят и ждут, пока я шею у них себе сверну». И Шишин, держась за поручень обеими руками, осторожно стал в магазин хозяйственный спускаться.

Еще не нравился ему у магазина козырек со снежным горбом. «Не убирают снега, паразиты, — думал он, опасливо косясь на козырек, — за что им только деньги платят?..» Шишин не любил еще, когда сосульки высоко висят, под самой крышей. Особенно в капель. Того гляди — опля! — и всё. Любил, когда сосульки низко, под какой-нибудь витриной бородой висят, чтоб можно их сбивать и обрывать руками. Шишин с детства любил сбивать и обрывать сосульки, сосать, пока не видит мать, или в кармане принести домой — и в морозилку. И посмотреть, что будет. Мать не любила, если морозилка сосульками набита, и выкидывала их.

«Злая мать моя», — он обернулся боязливо (всегда казалось Шишину, что может мать следить, как он, в хозяйственный спускаясь, оглядывался, опасаясь, не следит ли мать за ним) дверь потянул, шагнул в тепло. Тепло дышало ацетоном, краской, порошками, дихлофосом...

«Клеенкой свежей пахнет», — он вдохнул. Любил, когда клеенкой свежей пахнет, как на праздник пирогами, и праздники любил, чтоб гости, когда придут с тортами и в пальто, дарили шоколадки. И он, задумавшись о многом, бродил меж полок в поисках веревки. На полках были круглые тазы оранжевого цвета, ежики для унитазов, кастрюли, крышки, шланги, лейки, лаки в черных липких баках, кружки, чашки... Скипидар.

«Скипидар...» — прочтя, подумал он, он так любил, прочтя, подумать, что прочел...

Он медленно дошел до края ряда, уткнувшись взглядом в обойные ряды, и вдоль рядов обойных раздраженно зашагал обратно, думая о том, что много слишком делают обоев, стенок мало. На все обои ни за что не хватит стенок. И, не найдя веревки, к кассе подошел.

— Веревки есть у вас? — спросил у кассы Шишин.

— Какие вам?

— Обычные, какие?

— Обычных нет, — сказали из-за кассы.

«Обычных нет у них веревок, как ни спросишь. Все с вывертом какие-то веревки, с подковыркой. И смотрят вечно из-за кассы как на дурака», —

и Шишин хмуро, пристально смотрел поверх прилавка на черную чугунную сковороду.

— Крепежные есть. Бельевые. Австралийские, из шерсти ламы. Синтетика. Канат. Какую вам?

— Не надо мне канатов. Мыло есть?

— Вам земляничное? — спросили из-за кассы.

— Земляничное, какое? — ответил Шишин.

Шишин только земляничное любил. Из-за Танюши. Земляничным мылом от Танюши пахнет — вспомнил, и, о Танюше вспомнив, угрюмо посмотрел вперед. Потом назад. Он так всегда смотрел назад после того, как посмотрел вперед: на мать, на кошек, на ворон, на то, как роют ямы возле дома, на школу и забор. На все. И Шишин снова посмотрел вперед, поверх, на черную чугунную сковороду.

— Есть только «Ландыш», детское... дегтярное еще... — сказали из-за кассы.

— Дегтярного не надо, — вздрогнув, буркнул Шишин. — А когда завоз?

«А если земляничного не будет, — учила мать, — не вздумай “Ландыш” покупать, его из кошек варят. Из кошек, понял? Понял у меня?» — «Да понял, понял». — «Спроси у них, когда завоз, когда завоз, тогда пойдешь и купишь. Слышишь у меня?» — «Да, слышу, не глухой», — подумал он, и ждал, когда ответят из-за кассы, когда у них завоз.

— Не будет никаких завозов. Аренда кончилась, распродаем, — сказали из-за кассы, — дегтярное берите, «Ландыш», по закупочной цене.

Канат. Берите, может, больше и совсем не будет. Кризис!

«Мать тоже “кризис” вечно говорит», — припомнил Шишин, с неприязнью разглядывая ту, которая за кассой.

Красивая, почти что как Танюша. «Но все же не она», — подумал он и к выходу ни с чем пошел.

На улице завечерело тускло, серо, гадко. Как назло, встретился под самым козырьком опасным Шишину красивый Бобрыкин ненавистный, в лоснящейся бобровой шапке, белозубый, чернобровый, в широком шарфе, небрежно брошенном за спину, с румяными щеками, носом, от морозца алым. И ветер, как обычно, дул, плевался Шишину в лицо, Бобрыкина придерживая дружески за спину.

— Здорово, Шишкин лес! Брателло! — сказал Бобрыкин ненавистный, ухмыляясь, — ты не в курсе, у них веревки есть? обыкновенные? — добавил он.

И Шишин посмотрел назад, потом вперед. «Гораздо лучше, если знаешь, что будет впереди — без неожиданностей чтобы», — думал он и, убедившись, что впереди стоит Бобрыкин ненавистный, второй раз посмотрел спокойно, зная, что неожиданностей впереди уже не ждать.

— Тебе зачем? — поинтересовался он.

— Нужно... — отмахнулся Бобрыкин ненавистный.

Убить Бобрыкина, или История одного убийства

«Меня, наверное, повесить хочет, сволочь», — тихо думал Шишин, угрюмо глядя снизу вверх Бобрыкину в лицо. Бобрыкин улыбался. «Мразь...» — подумал Шишин, уже совсем тихонько. Он всегда старался думать тихо-тихо, если лицом к лицу оказывался с тем, о ком подумал он.

— Нет обыкновенных, — сказал злорадно, ожидая, как огорчится у Бобрыкина лицо.

— Посмотрим... — пообещал зловеще ненавистный, и было видно по его суровому, красивому лицу, что если веревок нет обыкновенных, то он повесит Шишина и на канате, или на шарфе повесит, или задушит голыми руками, без всего.

— Чего смотреть-то? Нет обыкновенных у них веревок, да и всё. Как ни смотри...

— Посмотрим, — твердо повторил Бобрыкин ненавистный, отстраняя Шишина от входа, и спускаться стал.

«Иди-иди... Посмотрим!» — думал Шишин, показывая следом ненавистному Бобрыкину язык и дулю, пока не видит мать.

Сам Шишин некрасивый был, маленький, в болотной куртке старой, перьям свалявшимся набитой, в дрянь колючей, влажной и худой. Бобрыкин был в хорошем пальто демисезонном, верблюжьей шерсти, скроенном футляром, с норковым окладом, и сразу после школы на Танюше был женат.

«Бобрыкин ненавистный, ненавистный!.. — думал Шишин. — На моей Танюше!» — думал он, желая взглядом козырьку упасть Бобрыкину на

спину. Но козырек не падал, ветер выл, плюясь на Шишина, и был с Бобрыкиным, как раньше, заодно.

«Погодка... — думал Шишин, — тьфу какая!», от ветра отворачиваясь, морщась, но не уходил. Ему хотелось видеть, как Бобрыкин ненавистный тоже без веревки выйдет, «без веревки, без веревки выйдет, сволочь, гадина такая, гадина такая, как и я...».

И все не уходил, стараясь, впрочем, от козырька опасного на расстоянии держаться. В ногах по-зёмкою вертелось. Был февраль, и из заносов снежных вдоль домов торчали голые опилки елок новогодних, и трепыхались, запутанные в ветках, шарики и ниточки серебряных дождей.

И вышел наконец Бобрыкин ненавистный из хозяйственного магазина, по лестнице поднялся беззаботный, не пугаясь оскользнуться, не держась перил, насвистывая и с веревкой... с обыкновенной самой... несинтетической, и не из австралийской ламы, не бельевой и не крепежной, а такой, которых нет и не было нигде...

Ветер дунул, плюнул, завыл, приподнял с козырька подушку снежную, рассеял в небе. Шишин зло, угрюмо на высокого, красивого Бобрыкина смотрел замерзшими глазами, слезясь и щурясь, на Бобрыкина, женатого на Тане, похожего в пальто на Ланового, с веревкой новой, в черных кожаных перчатках с норковой опушкой, в сверкающих начищенных ботинках, и... ненавидел, ненавидел, ненавидел...

Убить Бобрыкина, или История одного убийства

— Что? — спросил Бобрыкин.

Шишин промолчал. От ненависти у него сводило зубы.

— Что? — повторил Бобрыкин ненавистный, снова Шишин промолчал.

— Ладно, Шишкин, я пошел... бывай! — сказал Бобрыкин и пошел, пошел... красивый, безнаказанный, веревку новую, обыкновенную в карман пальто засунув.

«Душить меня пошел», — с тоской подумал Шишин, в спину Бобрыкину толкаясь взглядом, и, развернувшись, отбежал назад, нырнул за угол и параллельно двинулся, кустами, с обратной стороны домов. У арки Шишин выскочил внезапно, и, не успел Бобрыкин ненавистный удивиться, что снова Шишин ему попался на дороге, бросился, рыча, ему под ноги и в щиколотку впился, и повис, скрипя зубами. Но был Бобрыкин Шишина сильнее, схватил его за шкуру, поднял над поземкой, отшвырнул назад. Куда подальше. Отшвырнул — и Шишин отлетел, свистя, упал, ударившись, но больно не было ему, в губах скворчала пена. Головой мотая, поднялся Шишин и, набычившись, едва переставляя ноги, снова на Бобрыкина пошел.

Но не дался Бобрыкин Шишину и в этот раз, а лишь небрежно, легко опять приподнял и потряс...

И выпали из Шишина от тряски ключи и мелочь, стеклышко зеленое, дверная ручка, соль, сахар, спички, фольги кусок, и пара марок, билет